

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 81-2

БУДУТ ЛИ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ В 2100 ГОДУ? ПРОБЛЕМА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Круглый стол был посвящен проблемам, связанным с современным состоянием русского языка. Участники дискуссии отмечали необходимость четкого различения языка и речи, т. е. системы и способа ее функционирования в процессе общения, общих законов эволюции языка и конкретной ситуации в обществе. Обсуждались разнообразные социолингвистические тенденции, которые влияют на грамотность носителей языка, на падение престижа русского языка в российском обществе и в мире. Были высказаны разные мнения по поводу того, насколько эти негативные явления губительны для сохранения национального языка и манифестируемой через него русской культуры. Присутствовавшие выразили уверенность в том, что русский язык будет жить и в 2100 году, однако чтобы сохранить его чистоту и богатство и повысить престиж в глазах национального и мирового сообщества, необходимы усилия каждой семьи и всего общества, а также государства и образовательных учреждений всех уровней – от начального до высшего звена.

Выступали: О.А. Донских, К.А. Губарь, С.П. Исаков, Д.Г. Калашников, И.А. Канакин, К.М. Курленя, Н.И. Макарова, Г.М. Мандрикова, Л.А. Монахова, Т.А. Рубанцова, Ю.Е. Фигуровская.

Комментарии прислали: А.Е. Аникин, В.И. Беликов, М.И. Гришко, Н.Б. Кошкарёва.

Полная информация об авторах представлена в разделе «Наши авторы».

Ключевые слова: русский язык, мертвые языки, язык и речь, культура речи, деградация языка, образование.

WILL ANYBODY SPEAK RUSSIAN IN 2100? THE PROBLEM OF ENDANGERED LANGUAGES

The round table was devoted to the problems related to the recent state of the Russian language. Participants of the discussion noted the need to clearly distinguish between language and speech, i.e. a system and its way of functioning in the process of communication, and between general laws of evolution of language and the specific situation in the society. A variety of socio-linguistic trends that affect literacy of native speakers was discussed, as well as the loss of prestige of the Russian language in Russian society and around the world. There were different opinions regarding whether these negative effects are disastrous for the preservation of national language and for the Russian culture manifested through language. The participants expressed confidence that the Russian language will live in 2100, however, in order to preserve its purity and wealth and to raise the prestige in the eyes of the national and the world communities, the efforts are needed from each family and society, and from the state, and specifically from educational institutions at all levels – from primary to tertiary ones.

The panellists were: O.A. Donskikh, K.A. Gubar, S.P. Isakov, D.G. Kalashnikov, I.A. Kanakin, K.M. Kurlenya, N.I. Makarova, G.M. Mandrikova, L.A. Monakhova, T.A. Rubantsova, Yu.E. Figurows-kaiya.

Commentaries were added by: E.A. Anikin, V.I. Belikov, M.I. Gritsko, N.B. Koshkareva.

Key words: Russian language, dead languages, language and speech, culture of speech, degradation of language, education.

Вопросы (в сокращении), обсуждавшиеся участниками

1. Есть ли причины, угрожающие судьбе русского языка?
2. Является ли численность носителей языка определяющим фактором его дальнейшего существования?
3. Согласны ли вы с таким высказыванием: «Если люди оказываются в угнетении или опасности, языковое сообщество может неожиданно отказаться от родного языка для того, чтобы выжить»?
4. Какой лингвистический климат наблюдается сейчас на пространстве носителей русского языка?
5. Согласны ли вы с утверждением: «Когда сообщество отказывается от своего родного языка и принимает язык, который считается наиболее эффективным с точки зрения коммуникации, сообщество идет по пути экономического содействия и социального восхождения»?
6. Каковы признаки безопасной ситуации для языка?

Олег Альбертович Донских (НГУЭУ). Начнем. Первый вопрос, очень важный, скорее лингвистический, чем культурологический: о чем мы здесь говорим – о речи или о языке? Потому что, в известном смысле, с языком-то ничего не происходит. Язык развивается, обогащается, в него входят новые слова, и в этом смысле он существует. Но язык манифестирует себя в речи, т. е. мы понимаем речь благодаря тому, что мы знаем язык. А вот то, что с речью происходят негативные вещи, – это достаточно очевидно. Используем выражение «речевой код» (по аналогии с кодом одежды (дресс-кодом)). На мой взгляд, в русском языке он размылся: в любом месте можно говорить что угодно! Дикторы московского телевидения не умеют склонять числительные, совершают обычные речевые ошибки, а то, что мы слышим на улицах, отнюдь не радует. И это в стране, где писали Толстой и Достоевский. Это, безусловно, деградация кода. Среда разделяется по речевому коду. Всегда была разница между общением, например, круга Гоголя и

общением круга Петрушки гоголевского. Всегда существовала разница между говорящими образованными и говорящими простолюдными. В наше время получилось так, что это все смешалось.

Второй аспект, который хотелось бы затронуть в ходе нашей беседы: язык соответствует уровню культуры. Так, например, немецкий язык «поднялся» во времена Гёте и Шиллера, когда Веймар стал культурной столицей Европы; эти авторы подняли престиж немецкого языка. Немецкий язык обогатился за счет изысканий Гриммов и стал феноменом мировой культуры. Можно сказать, что русский язык вышел на этот уровень только в конце XIX в., став таким же культурным языком, как английский, испанский и т. д. И, напротив, когда культура начинает деградировать, начинает деградировать и отношение к языку. Русский язык начинает меньше использоваться в качестве языка науки.

Уменьшается российское население, в том числе и за счет отъезжающих за границу. В связи с этим и сформулирован такой вопрос: останется ли население, кото-

рое будет говорить по-русски в 2100 году, а не только ученые, которые будут изучать его? Как, например, изучают латынь и другие исчезающие языки.

Галина Михайловна Мандрикова (НГТУ). Не могу молчать. Я русист. Раньше я бы назвала себя лингвистом, но сейчас лингвистами называют преподавателей иностранных языков и переводчиков, поэтому приходится называться филологом, хотя этот термин относится в первую очередь к литературоведам. Я действительно занимаюсь русским языком и занимаюсь им всю мою жизнь. И обе мои диссертации – про русский язык. Более того, по первой специализации я преподаватель русского как иностранного, защищалась в Государственном институте русского языка им. Пушкина. Поэтому все, о чем здесь сказано, – это мое. Я не согласна практически ни с чем. А это уже хорошо, значит, дискуссия точно совершится. Конечно, существует разница между языком и речью, еще де Соссюр предложил эту дихотомию. Но я бы не говорила о речи, скорее, о речевой компетенции носителей языка, потому что в данном случае мы имеем дело с конкретными людьми, которые используют язык так, как они его используют. На рубеже 90-х годов вышла всем известная монография «Русский язык конца 20-го столетия», где было замечательное введение. В нем речь шла о том, что мы живем на сломе, обусловленном тем, что советский новояз уходит, наступает новая эра свободы и воли. А русский человек, как известно, свободу и волю различает с трудом, и это хорошо проявляется в языке. То, каким был язык 90-х, мы хорошо помним, и это печальная история для всех, кроме лингвистов-русистов: такое изобилие языкового материала, такая

радость от того, что мы увидели это и это! Все вспомнили Селищева, его знаменитую работу о языке революционной эпохи, и словарь Ушакова с его многочисленными советизмами, разговорными словами и просторечием. И всё мы это увидели в 90-е годы – и расшатывание норм, и жаргонизацию, и криминализацию языка. Об этом состоянии языка было защищено множество диссертаций, написано множество статей. И даже пресловутое «как бы» явилось темой для многих исследований: как это «как бы» вылилось в описание картины мира русского человека, который не уверен ни в чем и на всякий случай очень аккуратно отзывается о своем будущем, о происходящем, об оценках и т. д.

Возникает другой вопрос: а сейчас-то почему «как бы» сохранилось? Поэтому когда девушка говорит, что она *как бы* беременна, возникает масса вопросов...

Почему я вспомнила эту монографию? Потому что там есть замечательный пример Юрия Николаевича Караулова того, как важно выбрать параметры, по которым сравнивать состояние языка. Вот, например, язык 90-х годов очень плох, но сравниваем мы его с советским временем, когда люди не могли проявить свое знание языка только потому, что все было отредактировано, отрепетировано и прямого эфира как такового просто не было. Вспомним один из первых эфиров, когда одна дама сказала, что у нас «секса нет», и это запомнили все! Понятно, что человек хотел сказать одно, а у него получилось другое! Мы можем вспомнить речь военных, что «сапоги нужно надевать утром на свежую голову». Мы же прекрасно понимаем, что человек хочет сказать!.. Нам не нравится форма выражения. И в данном случае речь идет именно о форме. Говорить стали все.

Число участников публичного общения расширилось, и вдруг нам стало страшно от того, что язык гибнет, язык умирает, с языком что-то происходит, за него надо бороться, сражаться! Лингвоэкология, экология языка – все это возникло не так давно. Но справедливо рассуждает Караулов: допустим, на миллионную страну мы имеем всего десять гроссмейстеров, и уровень шахматной игры очень высок. Если же в стране насчитывается сто тысяч гроссмейстеров, то уровень шахматного мастерства резко понижается.

Не то ли произошло с языком? Речь, которая вдруг вышла на экраны, в эфир, в публичную сферу, вдруг нам не понравилась, а 90-е ли виноваты? Может быть, мы и раньше так говорили? Просто мы не замечали этого, потому что не было возможности проверить? В молодости я читала один рассказ, где человек рассуждает, честный ли он человек или он подлец, вор, негодяй. Он ни разу не встречался в подъезде с бандитом, никогда не отбивал девушку у хулиганов, ему никогда не давали взятку, поэтому возможности проверить, какой же он человек, просто не было! Здесь – то же самое. Люди могли полагать, что они очень хорошо говорят по-русски, потому что они хорошо учились в школе, у них были «пятерки» и т. д. И вдруг, когда у них берут интервью, выясняется (помните, как люди прятались от репортеров?), что они просто боялись услышать себя со стороны. А это «запикивание», которое до сих пор происходит, – это же тоже некое свидетельство того, как мы говорим по-русски. Говорим мы на самом деле не очень хорошо, это факт. Я, когда прихожу в какую-нибудь аудиторию читать лекцию про русский язык, спрашиваю: «Ну что, гибнет русский язык?» – И все хором от-

вечают: «Гибнет!» На это я говорю: «Нет! И сейчас мы будем доказывать, что не гибнет и ничего страшного с ним не происходит». Один из прогнозов состоит в том, что в дальнейшем мы «расслоимся», причем образованным меньшинством будет небольшая часть людей, а все остальные – это необразованное большинство. Действительно, складывается такое впечатление. Наверное, это так и есть. Я могу сказать, что для людей национальный язык – это ценность. Об этом много пишут, много говорят. Очень многие хотят знать лучше. Сколько людей пишет Тотальный диктант? Наш НГТУ имеет площадку, где идет подготовка к написанию Тотального диктанта: люди приходят семьями, а спустя две недели после проведения Тотального диктанта работа кафедры филологии НГТУ оказывается парализованной, потому что желающие получить консультацию по итогам проверки диктанта стоят в коридорах. Почему пишется так, а не иначе, почему здесь запятая и т. д. Людям не все равно! Поэтому говорить о том, что все так плохо, наверное, нельзя, потому что уже в пресловутых «нулевых», которые мы уже тоже пережили, ситуация, конечно, выправилась. Она выправилась в той части, которая и есть самая больная: это повышение уровня компетенции носителей языка. Люди реально стали лучше писать и лучше говорить. Это правда. Может быть, в меня сейчас полетят камни, но я, к сожалению, еще и эксперт ЕГЭ. Не разделяю эту идею, но живу по принципу: не можешь остановить восстание – возглавь его. Знаете, сколько интересных материалов дает ЕГЭ?

Донских. Многие мысли мне показались очень интересными. Сколько людей пишут Тотальный диктант? Мы совпада-

ем с докладчиком в том, что я тоже являюсь экспертом ЕГЭ, правда, не по русскому языку, а по обществознанию, и то, что я читаю, меня не просто не радует. Моя коллекция есть на сайте «Большой Новосибирск». Это на самом деле читать невозможно! Мысли выражать ребята в принципе не могут.

Реплика из зала: Это вопрос к учителям!

Донских. Вопрос к учителям! Но это вопрос и к другому: есть ли сейчас хотя бы один ученик в Новосибирске, который бы прочитал «Войну и мир» от начала до конца?

Мандрикова. Один-то есть!

Донских. Один – есть! Это радует. Ну, два, допустим. Хорошо. Ну, по крайней мере, один десяток, потому что это все уходит. Я сейчас не хотел бы занимать время под это обсуждение. Я хотел бы передать слово Людмиле Аркадьевне: что она думает по этому поводу, пытаясь защищать русский язык. Потому что, с точки зрения Галины Михайловны Мандриковой, защищать его не надо, он сам себя защитит.

Людмила Аркадьевна Монахова (Фонд «Родное слово»). Галина Михайловна – моя помощница, причем очень надежная, и вся ее кафедра, как и другая кафедра русского языка НГТУ. И я ее сейчас слушаю с удивлением. Второй учебный год подряд мы на кафедре Галины Михайловны проводим круглогодичные бесплатные курсы по русскому языку, и на эти курсы ходит большое количество новосибирцев. Преподаватели – с кафедры Галины Михайловны. Отсюда – моя удивленная реакция на ее выступление. Я думаю, что Вы сами себе противоречите. Очевидно, что культура речи упала, что люди пе-

репутали, что такое свобода и воля, что такое свобода и вседозволенность. Уровень грамотности падает, и это бесспорно. Я была членом одной комиссии, в которой выбирали имя мосту. Нами были получены и прочитаны 3,5 тыс. посланий от новосибирцев с аргументацией, почему нужно назвать мост так, а не иначе. Большая часть была получена по электронной почте, а примерно 500 – по обычной, т. е. написанные на обычной бумаге. Мы же понимаем, какой контингент пишет на бумаге: это люди, которые не владеют компьютером. Это люди того поколения, которое училось в советское время. Так там уровень грамотности-то выше. Потому что просто учили, потому что социум был другой. И вот второй пример. Вчера я с группой своих коллег была на телевидении (мы – члены экспертного совета при Министерстве культуры), и мы, говоря о планах, сказали, что в ближайшее время мы будем давать экспертную оценку количеству и качеству наружной рекламы в Новосибирске. Рядом со мной оказался заместитель министра культуры. И я имела неосторожность предложить ему, чтобы они прислали на форум предложения, пожелания и проч. И сегодня звонят люди и говорят благодарности за то, что мы подняли этот вопрос, и начинают приводить примеры. Из рекламных вывесок, развешенных по городу: «Отдайся за суши», «хохотаться», «одеваться», «целоваться». Как-то вывески уже сняты, но только потому, что закончены договорные обязательства. Жительница Гусинобродского микрорайона жалуется, что у них висит страшный плакат с призывом «Застрахуй!». Я тоже это где-то увидела и подумала, что в советское время такое ни за что бы не появилось. Поэтому я хотела бы сказать Га-

лине Михайловне: никто не работает для того, чтобы русский язык был бы в хорошей форме, кроме нас с Вами!

Тамара Антоновна Рубанцова (СГУПС). Тема эта меня очень волнует, и я бы хотела посмотреть на эту проблему в несколько ином контексте. Я работаю со студентами-юристами, для которых знание языка – это профессионально значимое качество. Юристу следует не только знать язык, но и хорошо владеть им. К сожалению, можно отметить тот факт, что упал не только культурный уровень студентов в целом, но и способность студентов к обучению языкам. В российском обществе происходит культурная деградация, в том числе идет процесс падения роли русского языка в обществе. Часто можно слышать в нашем обществе нецензурную брань. Остановишь, сделаешь замечание, объяснишь, что вообще-то это наказуемое деяние, – тогда удивленно смотрят на тебя. Процессы, которые происходят в языке, это все же отражение культурных процессов, которые происходят в нашем мире и в нашей жизни, в нашем обществе. Общество у нас стало совсем иное: оно стало открытым. И конечно, каким нам путем идти дальше, чтоб защитить язык, это надо серьезно думать и разрабатывать пути решения этой проблемы. Во-первых, наша культура превратилась в культуру утилитаризма. Вся реклама: наружная, по телевизору – все нацелено на получение прибыли. А получение прибыли как раз идет за счет того, чтобы самыми эффективными способами (например, сделать ошибку) привлечь внимание. Хотя за счет чего! Во-вторых, идет коммерциализация всей культуры. Глобализация открыла нам прекрасные возможности бывать в других странах, владеть иностранным языком. Но вот что обид-

нее всего: официант в Китае или официант на Кипре знают русский язык. Традиционно культура языка и сам язык у нас формировался в образовании. Конечно, меняется общество – меняется культура – меняется язык. Но пока все сводится к однозначным словам, даже не фразам и не предложениям. Теряется сама структура, сам языковой код, на котором изъясняются люди. Я и не говорю об огромном количестве американизмов, об огромном количестве бранной речи и проч. Франция, например, приняла закон о языке и не разрешает внедряться американизмам таким способом. А на самом деле я считаю, что русская культура и ее ценностное ядро существуют и что русский язык будет, потому что будет великий и свободный русский народ в 2100 году.

Мандрикова. Одна поправка. Когда мы говорим о языке молодежи, нужно иметь в виду следующее: когда-то я своему сыну сказала, что в наше время родительское собрание называлось «сходкой черепов», он очень долго хохотал и сказал, что в их время это было какое-то другое словосочетание. Да, молодежь использует свой жаргон, сленг, потому что это «детская болезнь левизны в коммунизме». И то, что они употребляют слова «крутой», «клёво» и т. п., это ничего не значит. Пройдет пять-шесть лет, они повзрослеют и будут говорить нормально.

Рубанцова. Они хоть бы предложением говорили, а не отдельными словами!

Игорь Александрович Канакин (Сибирский независимый институт). Я чужой на этом празднике жизни, потому что имею дело не с русским языком, но с иностранными языками. Преподаю уже полвека английский, немецкий, в том числе веду теоретические курсы. Я, конечно, работаю с

молодежью, могу сравнивать одни выпуски и наборы, которые были десять или двадцать лет тому назад, с сегодняшними.

Во-первых, хочу сказать, что с русским языком ничего, конечно, не случится. Его нельзя ни испортить, ни улучшить. Он не поддается никакому контролю и воздействию. Невозможно представить себе, чтобы наплась какая-то инстанция в виде Института русского языка или, скажем, Совета министров, которая издала бы какой-то приказ, например: «С понедельника отменяется творительный падеж». Ничего из этого не выйдет. С языком ничего не произойдет. И умереть он тоже не может. В качестве примера – мертвые языки. Среди языков, которые считают мертвыми, есть разные по своему статусу и имеющие разные судьбы – латынь, старославянский, иврит. Другой пример – восточногерманский язык, готский. В IV веке нашей эры готский епископ Вульфилла перевел Евангелие на родной язык. Готы вскоре после этого сошли со сцены, но остался перевод Евангелия. Больше по-готски не говорит никто, т. е. речь умерла, видимо, навсегда. Но что касается языка, то о нем мы знаем все. Мы знаем его звуковой строй, мы знаем его грамматику, его изучают аспиранты-германисты. То есть как бы он мог умереть? Он уже не умрет.

Может беспокоить то, что происходит с русской речью. За полвека преподавания я не могу назвать тот рубеж, когда что-то для меня, например, изменилось. Имея дело с молодежью, не могу сказать, что я почувствовал какие-то изменения. Ни в 90-е, ни в 80-е. Были всегда одни и другие. Ну, может быть, стало больше одних, чем других. Всегда были и косноязычные, и с убогим мышлением, потому и с убогой речью, были, наоборот, и другие.

Здесь очень важно то, что было сказано относительно роли книги, которую, по-видимому, заменить ничем нельзя. Электронная книга не замена. Там даже найти страницу непросто! Конечно, раньше люди больше читали. Причем в самых разных сферах. Скажем, я знавал в свое время офицеров. Казалось бы, это не самая их сильная сторона, но очень многие молодые офицеры приходили в библиотеки, в том числе и в эту, брали толстые журналы и читали очень много. Много обсуждали, много спорили.

А что касается деградации, то она есть. Думаю, в этом виновата школа, потому что она не выполняет своей роли; виновата семья. Потому что есть семьи, в которых не читают ни родители, ни дети – их стало больше – это семьи, в которых никогда ничего не читали и читать уже не будут. Виновата среда, т. е. семья и школа, виноват во многом Интернет. Он развращает: зачем студенту сейчас стараться? На экзамене, до момента ответа, они вообще не заботятся о том, что они будут говорить. Когда они получают вопросы, они начинают нажимать кнопки, чтобы узнать, что же на это сказать. Говорят, конечно, часто невпопад, но сам этот фактор является разлагающим. Интернет, который якобы дает ответы на все вопросы. Скажем, на днях делали перевод с древнеанглийского. И попалось такое слово – *втуне*. В тексте речь шла о том, что те, кто молоды, должны учиться, а тем, кто старше, подобает обучать. Чтобы знания не остались втуне. На четвертом курсе Сибирского независимого института (есть такой небольшой коммерческий вуз) были разные ребята, но слово *втуне* не знал никто! Я вспоминаю: в прошлом году никто не знал тоже. В позапрошлом

было два человека, которые могли объяснить, что это такое.

Мандрикова. *Навзничь и ничком* не пробоваи давать?

Канакин. Нет, я пробовал еще *всуе*. Этого тоже никто не знал. Приходится приводить однокоренные слова, чтобы как-то постепенно, подходами, помочь. Но вообще, конечно, ситуация с речью печальна. Но тем не менее я тоже думаю, что в 2100 году и позже будут говорить по-русски.

Донских. Мне не совсем понятно, что имеется в виду насчет электронной книги. Туда можно закачивать любые тексты. Вопрос ведь в другом. Точно так же, когда письменность была изобретена, пользовались свитками. Свиток был очень неудобен. Потом вошла книга. Через Евангелие, по-видимому. Появились перекрестные ссылки, примечания, начали разделять слова. Это уже история письма. И я думаю, что с электронной книгой произойдет то же самое. Это все-таки инструмент.

Юлия Евгеньевна Фигуровская (ИФПР СО РАН). Я хо-тела бы познакомить с той ситуацией, которая касается языков в общемировом масштабе, чтобы попытаться определить то, что происходит с русским языком.

Язык не может выжить без коллектива носителей, которые не только говорят на этом языке, но и передают этот язык следующему поколению.

По мнению исследователей Нэттля и Ромэна, если у носителей языка отсутствует жизнеспособная среда, то язык постепенно теряет сначала часть своих функций, а затем и вовсе умирает.

Джоунс и Сингх подчеркивают, что если языковое сообщество больше не рассматривает свой язык как центральную

часть самоидентичности, то мотивации для поддержания языка уменьшаются и язык, вероятно, начнет исчезать. Язык, который больше не передается от одного поколения к другому, определяется как умирающий, а тот, на котором больше не говорят, большинством современных исследователей признается умершим.

По мнению Дэвида Кристала – современного классика по этому вопросу, мертвыми могут считаться языки, которые уже исчезли, не оставив никаких письменных записей или документации.

В некоторых случаях коллектив носителей может отказаться от языка, оставив, однако, ему какую-либо ограниченную сферу использования, например, для религиозных церемоний. Поэтому такие языки, как латинский, древнегреческий, коптский, иврит и церковно-славянский, имеют определенную степень жизнеспособности даже после того, как применение их в качестве разговорных прекратилось. Не случайно, по-видимому, то обстоятельство, что такие языки можно даже возродить, как и произошло с ивритом.

Такие языки не могут считаться ни полностью живыми, ни полностью мертвыми. Они могут быть отнесены к спящим языкам, которые могут быть пробуждены. Леонард в своем исследовании приводит такой пример: Algonquin – язык североамериканских индейцев, который совершенно вышел из употребления в течение тридцати лет, – в настоящее время возрождается.

Оценки числа языков, на которых говорят в настоящее время, широко варьируются – от 3000 до 10 000, однако большинство источников дают цифру между 5000 и 7000. Гордон, например, перечисляет 6912 языка и дает около 40 000 альтернативных названий для этих языков

и их диалектов. Рахлен приводит цифру 5000, Гренобль и Уэйли считают, что эта цифра колеблется между 5000 и 6000. Всемирный Фонд языков фиксирует цифру 10 000: она включает в себя много диалектов, которые рассматриваются частью исследователей как отдельные языки.

Однако, уже упомянутый Гордон приводит такие факты: примерно половина языков мира имеют менее 10 000 говорящих, а 548 из них имеют менее 100 носителей. Именно такие языки находятся под угрозой исчезновения.

По мнению исследователя Вурма, скорость исчезновения языков значительно увеличилась за последние несколько веков. По самым неблагоприятным оценкам (например, в статье Краусса), более 4000 языков умрет к концу XXI века. Однако, как считают Гренобль и Уэйли, население мира будет все больше использовать такие языки, как арабский, китайский, английский и испанский, доля употребления которых в мире постоянно возрастает.

По данным Фонда исчезающих языков, на 2009 г. более половины языков мира являются умирающими и большинство языков, скорее всего, исчезнут в течение нескольких поколений.

Вурм доказывает такую гипотезу: языки могут исчезнуть очень быстро, если все или большинство их носителей умирают в результате природных бедствий, войны или геноцида.

Завоеватели могут принести с собой инфекционные заболевания, против которых коренные народы не имеют никакого иммунитета. А коренные народы – носители языка. И вместе с носителями гибнут языки. По данным из книги Дэвида Кристала – современного классика по проблеме исчезающих языков, два столетия спустя

после водворения европейцев в обеих Америках 90 % коренного населения умерло от заболеваний, против которых аборигены не имели иммунитета.

Когда страна или регион подвергается завоеваниям, колонизации или крупномасштабной иммиграции, язык завоевателей, вероятно, станет доминирующим, и те, кто говорит на местных языках, вынуждены принять новый язык и ассимилироваться к новой культуре.

Процесс ассимиляции или языкового сдвига, который происходит в результате колонизации или завоевания, часто начинается с периода двуязычия, в течение которого местные жители постигают язык пришельцев при сохранении своего собственного языка. Продолжительность этого периода может варьироваться, но во многих случаях это происходит стремительно, в течение жизни одного поколения: молодые местные жители переходят на новый язык, так как именно он позволяет более успешно влиться в новую социальную реальность и является социально более престижным.

Родители перестают передавать язык своим детям, и число носителей снижается. Местные языки зачастую модифицируются и упрощаются, так как приходится много заимствовать из так называемого языка-лексификатора, т. е. языка пришельцев, приносящих с собой новые социальные реалии. Местные языки в конечном счете умирают.

ЮНЕСКО оценивает жизнеспособность языка по девяти критериям: количество носителей, доля говорящих в общей численности населения; возможности для передачи языка от поколения к поколению; отношение к языку в рамках сообщества; сферы использования; государственная

языковая политика; доступность документации; использование в новых средствах связи и СМИ, а также наличие материалов для преподавания языка.

Используя эти критерии, ЮНЕСКО классифицирует языки как устойчивые, уязвимые, находящиеся в опасности, серьезной опасности, критической опасности или умершие. На языках безопасных говорят люди всех поколений, и эти языки передаются от одного поколения к другому. На так называемых уязвимых языках говорят и взрослые, и дети, но эти языки используются только в некоторых ограниченных функциях. У исчезающих языков прекращается передача языка от поколения к поколению.

На языках, находящихся в серьезной опасности, говорят представители только старшего поколения. На языках, находящихся в критическом состоянии, говорят только пожилые носители, говорят редко и зачастую не имеют собеседников.

Язык и культура тесно связаны, и культура передается в основном через язык. Когда язык умирает, знание, которое его носители накопили на протяжении многих поколений средствами этого языка, могут быть утеряны, особенно если отсутствуют письменные записи. Потеря языка может привести к потере истории, убеждений, традиций, культуры, устных литературных памятников и – главное – к потере национальной идентичности. Именно таково мнение Дэвида Кристалла.

Если же вернуться к обсуждаемому вопросу о состоянии современного русского языка, то по этим критериям он соответствует стабильному статусу. Однако причины для беспокойства все-таки есть.

Рубанцова. Если так все по формальным критериям благополучно, тогда поче-

му встает вопрос о смерти языка? Почему Вы тогда будируете эту проблему?

Фигуровская. Я не говорю о смерти, я говорю о том, что язык находится в опасности.

Рубанцова. Но по формальным-то признакам все нормально?

Фигуровская. Нет, как раз не все нормально! Понятно, что число носителей – достаточно большое. Но если раньше в мире этих носителей было больше, ведь не случайно он называется международным языком, то сейчас их становится меньше. Согласно многим исследованиям, через какое-то время русского в числе мировых не будет вообще, а в качестве мировых языков специалисты называют испанский, арабский, английский и китайский.

Мандрикова. К Вашему примеру по поводу Франции. Помните, как мы, русские, называем тот значок, который мы ставим в обозначении электронной почты? Собака, собачка, козьявка, кракозябла и проч. Во Франции, по решению Академии, был принят термин «arrobe» (старинное испанское слово) – и вся Франция называет этот значок именно так, и ни у кого нет сомнений. Попробовали бы у нас навязать нечто подобное! Что лично меня пугает в выступлениях многих ораторов, так это потрясающая категоричность! Коллеги, расслабьтесь! По поводу нарушения норм. В русском языке существует два типа норм: императивные и диспозитивные. Императивная норма – склонение, спряжение, род, число, падеж и т. п. С этим нет проблем! Да, есть люди, которые не знают, какого рода слово *бра*, и они думают: эту *бру* купить или какую-то другую? Но в итоге они назовут эту вещь настенным светильником. Случаев, когда возни-

кают проблемы с императивной нормой, т. е. когда русский язык перестает быть русским, у самих носителей языка бывает очень мало. Есть, конечно, опасные участки, над этим и работают школьные учителя. А вот проблемы, когда мы говорим о нарушении нормы, относятся к норме диспозитивной. Редкий человек правильно поставит ударение в слове *роженица*, потому что в данном слове могут быть три возможных варианта, подобные проблемы и с *новорождённым*. Мы ошибаемся потому, что у нас есть возможные варианты произнесения слова. Диспозитивная норма вариативна, поэтому у неспециалистов возникает странное чувство, что русский язык находится в страшном состоянии. А на самом деле это нормально. Если не нарушается главная – императивная – норма, тогда мы говорим, что с языком все нормально. А то, что мы нарушаем диспозитивные нормы, – это вопрос культуры речи, это вопрос движения, развития, победы «старшей» или «младшей» нормы (деньгами или деньгами, *профессорЫ* и *профессорА* и т. п.). Сейчас форма мн. ч. Р. п. на -а считается нормальной, а 50 лет назад считалась просторечной. Когда мы говорим о нарушении нормы, мы должны понимать, о нарушении каких норм идет речь. Скажу о числительных: да, это очень опасная зона. То, что у нас все пишут цифрами, а не словами, конечно, никак не поддерживает знания и навыки носителей языка. Этому надо учить в школе! Конечно, произношение русских числительных даже для носителя языка – очень затруднительно, ему трудно склонять все четыре слова, поэтому он стремится склонять, как правило, только последнее. Мы ведь не говорим «бегун на длинные дистанции» и «бегун на короткие дистанции», а говорим «сприн-

тер» и «стайер», потому что мы стремимся к языковой экономии. Тот же закон действует и в отношении числительных. В общем, я и мой коллега, мы считаем, что с языком все в порядке. Не очень хорошо с людьми, которые на нем говорят. Их просто не учат в школе! Язык как система фонетики, словообразования, лексики и грамматики – в полном порядке!

Константин Михайлович Курленя (Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки). Мы здесь говорим так, как будто в мире один язык – русский. И он умирает. Или, возможно, два – умирающий русский и английский, от которого исходит смертельная угроза русскому языку. Полагаю, что сама постановка вопроса некорректна. Гораздо уместнее утверждать, что английский, как, в прочем, и русский, преобразуется. Одновременно и параллельно с ними преобразуются и многие другие языки. И числительные цифрами пишутся не только в русских текстах. И в английских, и в китайских, и в любых других. Мы являемся очевидцами процессов совершенно иного плана, и эти процессы носят чаще всего не филологический характер и к морфологии языков имеют несколько опосредованное отношение, это преимущественно «надязыковые» процессы. Поэтому не следует все превращать в панихиду по поводу безвременной кончины русского языка! Ситуация непростая и неоднозначная. И анализировать ее нужно не в рамках одной болезненной, но многими любимой темы – англосаксы против славян и против всего мира, а несколько более взвешенно и осмотрительно. Ведь мы собрались обсуждать именно языковую коллизию, а не коллизию политическую. Поэтому давайте все-таки уходить от этих стереотипов.

Дмитрий Геннадьевич Калапников (ООО «Орфограмматика»). Мы не гуманитарии, мы – технари. И представляем наш проект «Орфограммка». Но хотел бы начать вот с чего. Во-первых, я не совсем согласен с тем, что ничего нельзя сделать с тем, что язык деградирует. Есть позитивные идеи, и не только у нас. Сегодня уже вспоминали о ситуации во Франции. Там, например, не прижилось слово «компьютер», и они используют слово *ordinateur*; у них программное обеспечение не *Softwear*, а *logiciel*. А e-mail Комиссия по заимствованиям приняла как *courriel*. И этот опыт интересен тем, что доказывает: процесс изменения языка – процесс управляемый. Во Франции этим управляют, и есть экономические санкции, штрафы и т. д. Интеллигенция, конечно, посмеивается, но язык идет через газеты и телевидение, и люди к этому привыкают. То есть никто уже не говорит, что это смешно. Насчет русского языка. Помимо того, что у нас появляются «лакшери вилладж Барвиха» или «дистрибьютор эксклюзивных брендов», т. е. по сути варваризмы, также у нас появляются и синтаксические заимствования. Так, например, говорят: «Для меня было важным узнать». Это явная калька с английского “For me, it was very important”. То есть не «мне было важным узнать», а «для меня». Таким образом, меняется даже синтаксис. Текущее положение такое. Что делает государство для борьбы с такими явлениями? Есть замечательный сайт *gramota.ru*, который создавался при поддержке государства, Министерства культуры. Люди, работающие на этом сайте, выкладывают словари, отвечают на вопросы. Характерный пример: довольно часто спрашивают, как писать «e-mail». Специалисты сайта от-

вечают: можно написать по-английски, но можно написать и по-русски «имейл». То есть там не задумываются над тем, какое бы слово подобрать, которое бы больше соответствовало. Так, например, знаменитый дизайнер Артемий Лебедев предлагал в своё время термин «электропочта». Оно, увы, не прижилось.

Какие мы предлагаем шаги? Штрафы, конечно, это хорошо, но у нас в стране работает плохо. Мы предлагаем создание национальной системы проверки текстов на грамотность. Интернет довольно большой, и русский язык был признан недавно вторым по распространенности языком Интернета после английского. Рунет – очень большой. В нем много текстов, но они, к сожалению, не все высокого качества. Мы предлагаем следующее. Человек, когда он пишет письмо, приказ, создает документацию, что-то публикует на своем сайте, может «прогнать» текст через нашу систему проверки. Она ему укажет и на орфографические ошибки, и на пунктуационные и т. д. Так, например, вместо «мерчандайзер» будет более уместно слово «товаровед». И мы предлагаем минимальными законами принудить СМИ пользоваться нашей системой, поскольку там будут исправляться и речевые ошибки, и прочее. И ненужными заимствованиям будут предложены русские эквиваленты. А люди, глядя на опубликованные тексты, постепенно восстановят русские нормы. Мы считаем, что должна существовать соответствующая комиссия. Создание компьютерной системы приведет к упрощению получения знаний по соблюдению русской нормы.

Донских. Я могу привести такой пример. У меня есть знакомый, который взял большой текст Диккенса и поставил на

проверку в Интернет. Машина аж запищала, потому что решила, что все неправильно. То есть получается, что Диккенс не знал английского языка!

Курленя. У меня самые разрозненные впечатления от услышанного. С одной стороны, я был заранее ознакомлен с вопросами, вынесенными на обсуждение; мнение сторонников концепции смерти языков меня не убедило. Если бы речь шла о забвении исторической памяти человечества сотен и тысяч древних языков или о физическом вымирании малых этносов, являющихся носителями уникальных современных, еще до конца не исчезнувших языков, я бы рассуждал иначе. Если бы сегодня размышляли о принудительной государственной, религиозно-миссионерской или любой иной практике переучивания целых народов на английский, испанский, русский, немецкий или какой-то иной язык – тогда другое дело. Но тема нашей дискуссии изначально и, может быть, непроизвольно соскользнула в плоскость смерти одного единственного языка – нашего с вами родного, русского, во что я не склонен верить.

Сегодня утверждалось, что, во-первых, русский язык умирает. И, во-вторых, вот есть наш язык, и мы о нем знаем все. Однако я сильно сомневаюсь, что мы знаем главное, а именно, далеко не полностью представляем себе реальные мыслительные механизмы, которые связаны с конкретным языком. Уверен, что любой из вас, кому приходилось читать лекции в иностранном университете на иностранном языке, наверняка меня поймет. Вот читаешь, например, в Шанхае лекцию по классической гармонии, и устаешь так, что после лекции пот течет! Но это случается совсем не потому, что я от волнения все забыл и с тру-

дом иноязычные эквиваленты подбираю, а потому, что сама конструкция мысли, сама форма выражения на английском отличаются от того, как это мыслится и выражается по-русски. Вслед за этим складывается другая картина мира.

Другими словами, вряд ли кто-то сегодня владеет некоей безошибочной методикой, которая была бы способна оценить информационно-понятийный потенциал языка, хотя бы в общих чертах представить пока еще не раскрытые понятийные, мыслительные, коммуникативные ресурсы, которые у него есть в запасе. Полагаю, что ни у кого не возникает сомнений, что потенциал русского языка чрезвычайно велик, возможно, более значителен, чем в большинстве современных широко распространенных языков. К русскому языку в любом случае будут обращаться хотя бы потому, что те смысловые, словарные, грамматические конструкции, которыми владеют носители этого языка, чрезвычайно емки, пластичны и перспективны. Так что обеспокоенность угасанием русского языка очень преувеличена.

Второй момент – это социальные аспекты, которые сегодня так бурно обсуждались. Коллеги, я думаю, что надо учитывать некоторые неустраняемые и очень чувствительные для эволюции языка исторические реалии. В обществах, которые принято называть тоталитарными или словесными, язык существует в особом социальном универсуме, который обеспечивает расслоение и иерархичность различных коммуникационных уровней языка. И там это расслоение, с одной стороны, обуславливает вершинный уровень коммуникации, «обставленный» собственными языковыми грамматическими конструкциями, словарным запасом, способ-

ми выражения. А с другой стороны, развиваются иные уровни языковой коммуникации – простолюдинов, лиц, объединенных профессиональными, религиозными и прочими социальными условиями существования. Причем смешивания этих уровней стараются не допускать сами носители языка, что, собственно, отражает иерархическую структуру общественного бытия. Долгое время русский язык существовал именно в таких условиях. Демократия всегда приводит к нарушению иерархии в структуре языка. Это выражается в том, что за очень краткое в исторических масштабах время происходит массовый выброс жаргонизмов, диалектизмов, всяческих иноязычных заимствований как раз в «верхний эшелон», в сферу литературного языка, которой определяются нормы и коммуникативные стандарты языкового общения. Но весь этот «низовой пласт» отнюдь не относится к вершинным формам языковой коммуникации, хотя начинает активно внедряться в них, что коренным образом меняет условия существования всего языка в целом. В истории развития русского языка такие периоды бывали, и не раз, однако русский язык от этого вовсе не умер. Мы переживаем очередной период нарушения сложившейся языковой иерархии и процессы языковых смешений, что всех участников дискуссии, несомненно, волнует. Но я все же думаю, что какие-то защитные механизмы языка мобилизуются и начинают выполнять свою стабилизирующую функцию. Я, например, с удовлетворением отмечаю, что люди в повседневном общении уже чрезвычайно редко допускают выражения наподобие «пипл хавает». Даже в обиходном словоупотреблении такие вещи уже проходят реже и реже. Значит, самосохране-

ние языковой идентичности все-таки срабатывает.

Но есть еще одна проблема, которая меня волнует более остальных. Начиная с советских времен развитие русского языка было сосредоточено на разработке, главным образом, внутренних, национальных, региональных, диалектных языковых ресурсов. Другими словами, по причинам опять-таки не языковым, а политическим и социальным поле межъязыковых коммуникаций было радикально купировано. За 70 лет истории СССР существенно уменьшилось количество людей, владеющих многими европейскими языками. Ну, хотя бы двумя. Вспомним, с чего начинается «Война и мир», – с длинного салонного разговора на французском. Еще раньше, например «Слово о полку Игореве», – пронизано славяно-тюркским двуязычием. Но многосторонние взаимные переплетения языков на основе базового, родного языка, тем более находящегося на такой высокой стадии развития, как русский, – это неотъемлемая часть его нормальной повседневной жизни, да и жизни национальной культуры в целом. Однако высокого уровня владения разными языками, который был когда-то, допустим в дореволюционной России, мы теперь не наблюдаем. Опасность, реально угрожающая русскому языку, происходит, скорее, от этой вынужденной самоизоляции, организованной советской политической системой. И мы не ощущаем сегодня больших потерь от упомянутого мною и уже завершившегося этапа «железного занавеса» в развитии нашей культуры только потому, что русский язык сам по себе чрезвычайно богат и разносторонен. Напротив, некоторых моих коллег тревожит повышенное внимание к иностранным языкам при

ослаблении знания родного языка, но это, скорее, временный перекося в системе образования, который надо срочно преодолевать. То есть усилившиеся межъязыковые взаимодействия сегодня неправомерно осознаются как угроза чистоте родного языка, а вовсе не как аспект нормализации межъязыковых связей, миграций и взаимообогащений.

Фигуровская. Это проблемы, лежащие в одной плоскости: незнание родного языка и незнание иностранного. Как не соблюдаем нормы родного языка, точно так же мы не можем нормально выучить иностранный язык только потому, что мы к своему собственному привыкли относиться так пренебрежительно.

Курленя. Короткое замечание по поводу ЕГЭ. Когда говорят, что уровень грамотности повышается, да еще благодаря внедрению ЕГЭ, это неприкрытое лукавство! Да, возможно, выпускники школ действительно стали делать меньше ошибок, но это уровень грамотности гоголевского Петрушки. Тот, как известно, умел складывать буквы в слоги, а вот слоги в слова и предложения – не умел. Дело в том, что в ЕГЭ нет главного: того, что учило бы человека формулировать мысль на родном языке. Не случайно ЕГЭ искоренил сочинение, и лишь теперь в Минобрнауки спохватились и собираются его возвращать! И если говорить о каких-то языковых утратах, то этот аспект – главный.

Сергей Петрович Исаков (журнал «Идеи и идеалы»). Кажется очевидным, что общая культура каждого человека отражается, даже и выражается в его речи: *что* он высказывает и *как* он это делает. Но никогда за всю историю человечества не было того, чтобы *весь* народ прекрасно говорил на каком бы то ни было языке – древне-

греческом, иврите или латыни. Когда мы с тоской вспоминаем великолепный русский язык наших классиков, «утраченный» нами сегодня, мы как-то не замечаем того, что подавляющее большинство народа говорило ...не так. Вспомним косноязычных чеховских мужиков, а тем более – героев Зоценко. Неужели нынешние студенты говорят хуже? Во все времена богатый литературный язык, культурная, логически выстроенная речь были достоянием узкой прослойки интеллектуалов и творчески одаренных людей (эти понятия не всегда совпадают). Но культура устроена так, что в коллективной памяти народа удерживается только язык его лучших представителей; все остальные остаются за бортом Культуры (да и Истории, что бы там ни говорили о роли народных масс).

В XX веке началось Ортеговское «восстание масс», сегодня в большинстве стран оно одержало безоговорочную победу. Молчаливое – точнее, косноязычное – большинство вышло на авансцену, его речь выплеснулась на экраны TV, в литературу и, наконец, обрело адекватную трибуну – Интернет. Но все формы ориентированной на письменность Культуры: Литература, Искусство, Образование (особенно высшее, и его олицетворение – Университет!) – были рассчитаны на других людей! Всегда интеллектуалы учили и воспитывали детей интеллектуалов – да и то не всех, существовал довольно жесткий отбор. Народ – безмолвствовал. Прекраснодушный либерализм постулировал, что надо дать (!) «этим людям» образование – и они подтянутся и станут «как мы». Увы, на практике получилось наоборот: массы «опустили» культуру до своего уровня, причем настолько тотально, что гордым интеллигентам там просто не осталось ме-

ста. Затерянные в совершенно неинтеллектуальной массе, они не могут собраться в абсолютно необходимые для успешного развития кружки, сообщества и школы (а если не соберется критической массы – не запустится цепная реакция «заражения» вирусом Культуры) и пропадают для Культуры (и, к сожалению, для себя, ибо не могут адекватно реализоваться).

Конечно, со временем ситуация изменится к лучшему, ибо Культура втягивает в себя всех, кто хоть частично способен ее воспринять, и тем расширяет собственное поле. Вопрос лишь в том, есть ли у России это время, ибо в тесной семье народов самых неторопливых могут и затоптать.

Калашников. Я хочу затронуть такой аспект, как престиж языка. Почему говорят, что надо учить английский, чтобы лучше устроиться в жизни? Потому что это влияет на социально выгодное поведение. Знание английского в Москве, в компаниях, корпорациях обычно дает тысячу долларов к зарплате. Сейчас в объявлениях о вакансиях появляются требования хорошего знания русского языка, но таких очень мало. В итоге люди не хотят учить русский язык, потому что нет престижа, социальных выгод от этого не предвидится. Чтобы возродить язык, нужно менять социальную и экономическую ситуацию, поскольку у всего этого глубокие социально-экономические корни. Если Россия вырвется в сверхдержавы, то будут и новые открытия, и новые слова. «Спутник» или «космонавт».

Фигуровская. О тех добровольцах, которые приходят писать Тотальный диктант в Новосибирске. Брала материал у организаторов мероприятия – к сожалению, никакой аналитики почему-то в Интернете нет. Оценки распределяются так: 60 % – это двой-

ки; примерно по 18 % – тройки и четверки и только 2 % – пятерки. Это добровольцы.

Мандрикова. Коллеги, Тотальный диктант выполняется на *авторских* текстах. Это не критерий, это такая национальная забава.

Донских. Ну, хорошо хоть такая!

Рубанцова. Мне больше всего понравилась идея профессора Донских о трехчленке: речь, язык и деградация кода. Я как-то с удивлением послушала наших филологов и поняла, что для меня язык един. Это не только какие-то мыслительные конструкции, филологические изыскания. Для меня важен живой язык.

Донских. Если мы берем начальную школу, у нас в советской начальной школе лексика к четвертому классу должна была насчитывать порядка двух тысяч единиц (слов). В американской школе – семьсот. Второй момент: к вопросу об употреблении. Детское чтение. Если в начале 90-х годов 90 % мам читали детям сказки, то в 2010 году 80 % мам их детям не читали. Речь идет о том, что масса детей не знает простых вещей. Речь идет еще и о лексике, об образности, потому что язык еще и вот эти вещи несет. Например, русская культура, как любая европейская, построена на христианстве. Там масса образов, притч, когда мы говорим о талантах, о камне, брошенном в чужой огород. Это все скукоживается, уходит. Речь скукоживается до обозначения бытовых вещей. Повторяю, язык остается, но богатство использования теряется катастрофически. Можно «Пир» Платона изложить в десяти тезисах или «Войну и мир» на паре страниц, в чем проблема? Но уходит самое главное: богатство культуры, которое за этим текстом стоит.

Я совершенно согласен с высказыванием, что речь идет о деградации куль-

туры. Когда передо мной сидит группа в сто человек, и они не могут сказать, когда было татаро-монгольское иго. Они не знают истории, соответственно, они не знают этой терминологии и т. д. Поэтому, безусловно, речь идет об отношении к своей культуре.

Был проект министерства, с моей точки зрения совершенно безумный, что нужно переводить все статьи на английский язык. Он остался в виде рекомендаций, но это чудовищно, это страшная провокация, если вдуматься. Почему? Потому что это будет очень плохой перевод, который никто читать не будет. Он сразу отвратит от этих журналов однозначно.

Нина Ильинична Макарова (НГУЭУ). Когда студентам даешь задание по каким-нибудь текстам, они берут тексты в основном из Википедии. И надо сказать, что в отличие от государства, которое у нас недотягивает, те, кто составляет тексты для Википедии, молодцы – они хорошо работают на общество. И когда студенты обращаются к компьютеру, к сайтам, они потом грамотно и красиво излагают то, что прочитали. Но когда дело касается письменных работ, тут полный ступор. То есть изложить последовательно какую-то свою идею они не могут. Поэтому мне кажется, чтобы язык был живым и развивающимся, конечно нам нужно менять во многом школьное обучение. Первое, гибкость языка. Конечно, дети сегодняшнего дня не так чувствуют язык, как чувствовали мы. Потому что мы много читали того же Лескова, того же Достоевского. Человек, читающий много, невольно вживается, невольно усваивает какие-то лексические моменты. Почему в игровой форме не сделать в школе представление мира того же Достоевского или Лескова? В XVI–XVII ве-

ках под влиянием гуманистов гуманитарному обучению уделялось очень большое внимание, в частности риторике. Детей заставляли заучивать наизусть классические латинские тексты и потом их воспроизводить в диалогах, чтобы они не только хорошо усваивали речь, но чтобы усваивали общение, жесты, входили в роль. Почему, допустим, это нельзя делать в школе? И конечно, в школе нужно обязательно учить писать сочинения. Человек должен знать, как сочинение строится, как абзац строится, с чего начинается, какие примеры и т. д.

Кирилл Анатольевич Губарь (ООО «Орфограмматика»). Я тоже представляю проект «Орфограммка», занимаюсь вопросами развития этого проекта. Что хотел бы я сказать? Я не ученый, не лингвист, даже не компьютерный лингвист, тем не менее я изложу свою гражданскую позицию, что меня действительно тревожит. Я и мои коллеги, в разной степени, тем не менее разделяем следующий взгляд: уровень грамотности напрямую отражает уровень национального самосознания, самоопределения. И то, что происходит засилье неологизмов, огромное количество, плотность ошибок, я считаю, что это политическая, идеологическая или культурная диверсия. Это целенаправленно спланированные акты.

По поводу «Орфограммки». Уникальность, мы говорим, нашей системы – не то что никем раньше не виданные инновационные алгоритмы, которые ядро ее составляют; не то что это система с искусственным интеллектом, который умеет учиться и учится. Дело в том, что люди, которые пользуются этой системой, на регулярной основе проверяют свои тексты, уровень их грамотности растет, плотность ошибок, которые они совершают при первичных про-

верках документов, падает. И падает значительно. У нас небольшая пока статистическая выборка, порядка восьми тысяч человек за последние 4 месяца пользовались этой системой и проверили около 320 тысяч документов, абсолютно добровольно. Это никакой не социальный эксперимент, это люди, которым нравится пользоваться, а мы считаем статистику. Вот на основании таких выборок мы можем утверждать: это факт.

Донских. Прошу сказать по заключительному слову.

Мандрикова. Коллеги, большое спасибо, что меня пригласили. Было много очень интересных идей и суждений. Я бы хотела сказать: если сложилось впечатление, что я в замечательном радужном настроении, то это не так, потому что я очень трезвый человек. Просто я специалист по современному словоупотреблению. Я смотрю ток-шоу, разные программы, слушаю, как говорят люди на улицах, потому что это моя профессия. Я использую наблюдения за тем, как говорят люди, в своих лекциях, в научных статьях, где угодно. Недавно у меня вышли статьи о русском языке в Интернете и о том, как говорит современная молодежь, и лекции по мату я читаю. Очень мне нравится мысль о том, что мы тут сидим, обсуждаем: русский язык гибнет или нет, а бедные англичане, чей язык растрепан по всему миру? Вот им действительно очень плохо: их язык – достояние всех. Какое же это национальное богатство?

Второе. Ну, правда, он не гибнет. Я не считаю, что все прекрасно, но язык не может гибнуть; ухудшаются или улучшаются, понижаются или повышаются другие вещи: наша способность говорить на языке, наше образование, наша культура, социально-экономическое положение нашего обще-

ства. Как только наша страна стала занимать другие позиции, конечно число желающих его учить уменьшилось. Сейчас оно увеличивается. Почему? Ровно потому, почему, например, китайский никогда не станет главным мировым языком. Потому что китайцы – замечательные воспроизводители, они воспроизведут любую технологию. Но это не страна, которая предлагает новые идеи, создает, как наша. Знаете, сколько заимствований в современном языке? Не более 7–8 %. Нам просто кажется, что их много, потому что они режут слух, они чудовищны.

Канакин. По существу, у меня предложение не смешивать язык и речь, во-первых. Во-вторых, не сводить язык к орфографии, не сводить язык к текстам. Не сводить язык к норме. Сегодня о норме тоже уже много было сказано, много справедливого, но не надо норму обожествлять. Она ведь тоже меняется, и меняется на наших глазах. Я деталей сейчас приводить не буду, но, как сказал Владимир Вишневский: «Ответственность за соблюдение правил несут лишь те, кто их составил».

Калашников. Я хотел бы добавить, что действительно наш русский язык и другие мировые языки испытывают давление со стороны английского, и не совсем даже английского, а скорее американского английского. Потому что в самом деле англичане недовольны тем, как американцы коверкают их язык, и немного за это их ненавидят. И даже, допустим, в Швеции ситуация такая, что большинство книг начало выходить на английском языке. А правительство Швеции может только какими-то дотациями писателям на шведском языке дополнительно их стимулировать. То есть там тоже как-то пытаются с этим справляться. А в русском языке появляется «рунглиш» –

типа смеси русского и английского, какие-то свои новоязы. Я считаю, что этот вопрос надо как-то регулировать со стороны государства и с помощью соответствующих инструментов.

Донских. И со стороны гражданского общества, я думаю.

Фигуровская. Я все-таки хотела бы сказать о том, что очень важно, когда престиж языка поддерживается не только его носителями, но и государством. Меня почти убедили сегодня, что язык не умирает, и если мы все вместе будем прикладывать какие-то усилия, то, может быть, и переживем эту страшную эпоху.

Я очень благодарна создателям программы «Орфограммка», которые, во-первых пришли к нам сегодня; во-вторых, создали эту самую программу, но я думаю, что для того чтобы люди в большинстве своем обращались к этой программе, они в первую очередь должны быть заинтересованы в том, чтобы грамотно писать на родном языке.

Курленя. Я бы сказал, что смотрю в будущее с определенным оптимизмом, во всяком случае в этом кругу, потому что какие бы проблемы ни обсуждались, они отражают мнение носителей сильного языка. И в дальнейших дискуссиях по-прежнему необходимо исходить из осознания сильных позиций нашего родного языка и его способностей к ассимиляции слов, выражений, а подчас и грамматических норм других языков. У нас есть веские преимущества, ведь русский язык – это не только язык бытовых коммуникаций многих народов. Это и язык науки, язык высокой культуры, прогресса, межнационального общения. На нашем языке впервые формулируются многие научные открытия, ключевые понятия и термины, без кото-

рых жизнь современного человека во всем мире попросту невысказима. Сегодня мы большей частью замечаем определенные языковые интервенции по отношению к себе. Но я вас уверяю, что эти интервенции есть во всех сильных языках. Возьмите тот же английский и бесчисленные варианты пиджин инглиш, которые распространились по всему миру, и вы сразу поймете, что это действительно так. Поэтому у серьезного разговора о развитии языковой среды, в которой мы существуем, есть большие перспективы.

Рубанцова. Действительно интересная получилась дискуссия. Ждать полного единодушия, наверное, и не следует, и это правильно. Я с большим удивлением и одобрением отношусь к позиции филологов, но все же для меня язык – это некая системная речевая коммуникация. Я совсем недавно смотрела биографический фильм о Сергее Есенине. Для меня Есенин открылся буквально в пяти минутах, когда он сам читал свои стихотворения. Меня он зачаровывал: он обыгрывал, интонировал каждое слово. И он очень бережно и нежно относился к русскому языку. Почему и, видимо, пользовался огромным успехом у женщин, несмотря на его небольшой рост и безобразное поведение с ними. Я считаю, что, наверное, ценностное ядро русского языка цело, но по краям-то речевая коммуникация получается просто безобразная.

Исаков. Целиком могу согласиться с Константином Михайловичем, что это проблема единого языка. Глобализация неизбежно выдвигает какой-то язык, на котором должны говорить все. Так, глобальным языком науки была латынь, языком европейской дипломатии и аристократии – французский, и т. п. Теперь всеобщим стал

английский. Нравится – не нравится, но француз с немцем или с китайцем – на каком они будут языке разговаривать? Если кто-то скажет даже что-то совершенно необыкновенное и важное, его услышат, только если это переведут на английский. Но ведь это трагично только для тех, кто английского не знает! Во все времена культурные люди – обычные, не гении! – знали несколько языков; ту же латынь учили и знали именно как дополнительный к родному, специально научный язык.

Второе. По поводу того, что какие-то все более фрагментарные и неполные знания у школьников и студентов. Но ведь все усвоить невозможно. Объем культуры, который был во времена Пушкина и сейчас, – я говорю не о качестве, а о количестве – это не на порядок, а на все три, наверное, больше. Но возможности человеческого мозга к восприятию остались прежними. Процесс объективен: даже совершенные шедевры культуры обречены на выпадение из общепотребительного контекста, ибо нельзя объять необъятное и нельзя остановить появление нового.

Донских. То есть Симпсоны должны убрать Льва Николаевича?

Исаков. Не обязательно Симпсоны, это вопрос выбора. Но того времени и значения, которое занимали Пушкин и Толстой даже в двадцатые годы XX века, в двадцатые XXI века они не могут занимать. Академик N может себе позволить сказать: я принципиально не пользуюсь компьютером. Современный молодой человек не может себе этого позволить. А времени в сутках больше не стало, да и усердия – тоже.

По поводу неграмотного Интернета. Интернет – это фактически аналог устной речи, непосредственное живое общение практически в реальном времени. А ког-

да быстро нужно что-то сказать, появляется масса ошибок, опечаток, обрывов фраз (и мыслей), упрощаются до полной редукции грамматика и синтаксис и т. п. Но примерно то же самое происходит и с устной речью в процессе реального общения – каждый из нас может в этом убедиться, получив после расшифровки свои собственные высказывания на этом Круглом столе (и это при том, что в процессе расшифровки все-таки производится и первичное редактирование!). Хотя, конечно, народ в массе пишет неграмотно, и отмеченные особенности просто усугубляют эту беду. Трудный язык нам достался...

Редакция журнала попросила экспертов, не принимавших участия в обсуждении на круглом столе, ответить на некоторые вопросы. По традиции включаем эти материалы.

Мария Игоревна Грицко (Институт филологии СО РАН).

После распада СССР интерес к России и русскому языку по причинам потери международного статуса страны и отсутствия стимулов применения ее языка резко упал. Всего лишь 20 лет назад русский язык занимал второе место в мире после английского, а по количеству переводов с него находился на третьем месте после английского и французского языков. Сегодня русский язык переместился на четвертое место в мире после английского, китайского и испанского языков, а по прогнозам ученых к 2015 году его опередят по распространенности французский, хинди, арабский, португальский и бенгали.

Конечно, роль и престиж языка в мировой цивилизации определяется не только его количественной распространенностью. Имеет важнейшее значение вклад

страны в мировую историю и культуру, ее политическое и экономическое положение в мире. Однако русский язык является единственным из ведущих мировых языков, который на протяжении последних десятилетий утрачивал свои позиции, и в ближайшие 20–30 лет эта тенденция может сохраняться, если не будут приняты меры по поддержке русского языка, культуры и науки.

Говорить об умирании русского языка сегодня преждевременно. Тем более что в последнее время наметился возврат интереса к русскому языку и культуре в мире по разным причинам, в том числе благодаря активной деятельности российских гуманитарных фондов за рубежом. Другой причиной более лояльного отношения к русскому языку в последние годы стала первоначально активная и целенаправленная деструктивная языковая политика бывших республик СССР. Многие новые государства, возникшие на постсоветском пространстве (например, некоторые страны Центральной Азии), погрузившись в эйфорию независимости в 90-е годы и практически полностью отказавшись от использования русского языка, быстро осознали, что стремительное исчезновение русскоязычного информационного пространства – это путь к экономической и культурной изоляции этих стран от мирового сообщества. Национальные языки оказались не готовы и еще долгое время не будут готовы полноценно заменить русский язык во всех сферах жизни, поскольку в них просто нет круга и объема тех смысловых понятий, терминов, словарей, учебников, которые аккумулированы в русском языке, универсально отражают историю, современность, связь с мировой культурой, являются продуктом той же глобализации.

Тем не менее причины, угрожающие судьбе русского языка, остаются, и своевременный мониторинг и анализ современного состояния и проблем русского языка, его распространенности и функционирования, лингвистической безопасности России играют важную роль. Экстралингвистические события конца XX века, снижение научно-технологического потенциала страны, социальная непрогрессивность государства, сложность языковой ситуации внутри России (где русский язык – фактически фундамент многонационального государства, в котором говорят еще более чем на 100 языках и диалектах, – является одним из факторов обеспечения национальной безопасности страны) привели к появлению угрожающих и опасных социолингвистических процессов. Такие процессы указывают на угрожающую лингвистическую обстановку, способную привести к внутригосударственным осложнениям или напряжению отношений между разными государствами (например, лингвистический национализм, лингвистический сепаратизм, этнолингвистический раскол, языковая манипуляция), или нести угрозу национальному суверенитету государства, приводить к открытым внешним международным политическим конфликтам (лингвистический расизм, лингвистическая агрессия, лингвистический мятеж, языковая война).

Регулирование подобных социолингвистических процессов, преобразование их в позитивные при помощи грамотной языковой политики государства – это хороший шанс для дальнейшего развития и укрепления русского языка. Подчеркнем, что значение языковой политики в таких многонациональных государствах, как Россия, велико и специфично, поскольку ее за-

дачи выходят за пределы чисто культурно-образовательных вопросов и она становится неотъемлемой частью внутренней и внешней политики государства. А отсутствие внимания и недооценка лингвистической безопасности ослабляют эффективность языковой политики, в перспективе оставляя место дезинтеграционным процессам и даже попыткам вытеснения и замещения русского языка. Важно помнить, что борьба за достойную жизнь в России должна проходить и по лингвистическому фронту.

Александр Евгеньевич Аникин (Институт филологии СО РАН).

«Грядущие годы таятся во мгле». Трудно предсказать, что будет происходить даже через несколько лет. Ответ на вопрос о судьбе русского языка (и чего бы то ни было другого, относящегося к человечеству) через сто лет не может не включать фантазии, в моем случае – со стороны человека, который, будучи филологом, никогда не занимался специально проблемами сохранения и тем более футурологии русского языка.

Довольно распространенным является мнение, что русский язык (РЯ) является самой значительной частью вклада русского народа в мировую цивилизацию. Многие, например «железный канцлер» Германии Бисмарк, высоко ценили способность нашего языка объединять огромную территорию России. Но и судьба РЯ в большой степени зависит от благополучия и целостности российского государства.

К 2100 году РЯ как основной язык России, по-видимому, сохранится, как и сама Россия. От степени ее влияния, а также наличия у нее желания и возможности поддерживать, в том числе материально, РЯ и русскоязычное население за рубежом, зави-

сит и судьба РЯ в диаспорах. Она, однако, в гораздо большей степени зависит от активности самих диаспор и от политики властей соответствующих государств: от степени проявления ассимиляторских тенденций (в частности, возможности/невозможности для меньшинства получать образование на родном языке), от уровня национализма, отношений с Россией и проч. При неблагоприятных сценариях в ближайшие десятилетия может произойти дальнейшее сокращение и минимизация русскоязычных диаспор (ассимиляция и/или отъезд в метрополию) в Эстонии, Узбекистане, Грузии, Таджикистане, Азербайджане. Очень слабы позиции РЯ в Туркмении. В отдаленной перспективе нет гарантий прочности у положения РЯ в Киргизии, Литве, Латвии, Армении, Молдавии и даже в Казахстане и на Украине (особенно при учете ее весьма вероятного «отпадения» от России). Особый случай с Белоруссией, где РЯ пока явно доминирует (по крайней мере, в крупных городах), но конкуренция со стороны белорусского и, возможно, польского в будущем может возрасти.

Исчезает или уже исчез РЯ у некоторых зарубежных старообрядцев (в Польше, Румынии, отчасти в Прибалтике).

Серьезной опасностью представляется возможность «диаспоризации» РЯ в пределах нынешних границ России, что связано с вопросом ее целостности. Такая угроза существует на Дальнем Востоке (не говоря о других территориях), утрата которого Россией в будущем рассматривается многими, по крайней мере на Западе, как почти неизбежная.

Здесь уместно отступление. В сентябре 2011 года в Вильнюсе прошла научная конференция памяти почтаемого в Литве российского ученого-филолога, академика

РАН В.Н. Топорова. Конференция проходила в литовском сейме (парламенте). Интересный контраст с тем, как протестовавших против так называемой реформы РАН российских ученых не пустили в сентябре 2013 года на порог российской Государственной думы при обсуждении закона об этой «реформе». Тогда же, в сейме, довелось выслушать мнения некоторых его депутатов от партии «народников». Один из них выразил изумление политикой России в отношении Китая: «Мы в Литве удивляемся вам, русским: вы сами лезете к Китаю в пасть, будто слепые! Китайцы, которые бывают у нас, говорят, что Россия – это тонущий корабль с негодным экипажем».

В будущем, возможно, появится новый русско-китайский пиджин наподобие существовавшего в первой половине XX в.

Продолжится давний процесс нивелировки и исчезновения территориальных диалектов (говоров) РЯ. Когда-нибудь они сойдут на нет. Исчезает традиционная и очень важная для РЯ питательная среда, уже сейчас, впрочем, перестающая выполнять функцию обогащения литературного языка, который зато широко пользуется иноязычными (прежде всего англоязычными) ресурсами, в особенности лексическими заимствованиями, а также ресурсами социальных диалектов (блатной жаргон и др.). По телевизору и радио не услышишь настоящей деревенской речи, как будто ее нет в природе. Нивелировка территориальных диалектов обусловлена обучением сельских жителей в школе, их уходом в армию и города, воздействием (в целом вредоносным) телевидения, общей деградацией российского села, где и бытует диалектная речь.

Деинтеллектуализация и дерационализация России, снижение образователь-

ного и культурного уровня народа, отъезд многих образованных и энергичных россиян на Запад наряду с массовым притоком в Россию малообразованных и плохо знающих РЯ мигрантов идут параллельно с проявляющимся в разной форме (в том числе в падении грамотности) ослаблением знания РЯ у значительного числа носителей русского языка как родного. Это прямо или косвенно будет способствовать распространению и возникновению в молодежной среде жаргонов наподобие относительно безвредного «олбанского языка», но и агрессивно-примитивного жаргона гопников. Несмотря на запреты, не становится менее популярным широко распространенный в советское время матерный язык, основу лексики которого составляют русские матерные слова и их производные.

Одним из последствий ликвидации РАН и в целом «обезнаучивания» России станет (по крайней мере, частичная) утрата русским языком функции языка науки. Переход на латиницу, активно вторгающуюся в жизнь РЯ, маловероятен: это означало бы разрыв со всей предшествующей культурной традицией России, в том числе церковной. Урезание и бесконечные «реформы» образования, особенно гуманитарного, филологического и педагогического, не только негативно скажутся на уровне знания РЯ, но и будут способствовать оболваниванию народа. Основным источником знаний об истории РЯ и русского народа для широкой российской публики уже сейчас стали досужие выдумки пользующегося необыкновенной популярностью М. Задорнова, не говоря о других ниспровергателях «официальной» гуманитарной науки. В своих выступлениях этот «инженер человеческих душ» посто-

янно сбивается, кстати, на вульгарное просторечие и, похоже, сам не в ладах с русским литературным языком.

В целом перспективы РЯ в XXI веке видятся пока довольно тревожными.

Наталья Борисовна Кошкарева (НГУ).

В 2100 году на русском языке говорить, конечно, будут, но этот язык будет существенно отличаться от того, на котором говорим сегодня мы, как «наш» русский язык начала XXI века отличается от языка Бунина, Чехова, Толстого, Пушкина, Карамзина, Третьяковского, «Слова о полку Игореве». Но это все равно будет русский язык.

Численность носителей языка не является определяющим фактором его дальнейшего существования. Известны случаи, когда в результате природных катаклизмов исчезали с лица земли языки, численность носителей которых была значительной и не вызвала опасений за их будущее; например, в результате тайфунов исчезали прибрежные поселения, в которых компактно проживали многочисленные носители некоторых языков. Поэтому в определение языков как «угрожаемых» входит также фактор территориального расположения. Другой важный параметр сохранности языка – моноэтничность населения, отсутствие или немногочисленность контактов с внешним миром. Например, амазонские индейцы пираха, численность которых составляет около 300 человек, сохраняют родной язык, с трудом и неохотой воспринимают испанский, так как проживают в труднодоступных районах и до последнего времени практически не контактировали с внешним миром.

Преподавание на родном языке не является определяющим фактором его развития. Можно не преподавать вообще ничего, но язык не угаснет. Примеров устой-

чивых бесписьменных языков множество, их, наверное, в мире даже больше, чем языков, имеющих письменность и на которых ведется преподавание. Но можно преподавать так, что это не будет способствовать сохранению языка. Важно, на каком диалекте ведется преподавание. Случается, что преподавание ведется на диалекте, который школьники никогда не слышали, а учительница им не владеет. На заре языкового строительства в СССР в 30-е годы XX века для каждого языка был выделен перспективный диалект, на котором начали создавать словари, комплекты учебников и учебных пособий. Это была попытка искусственного создания литературных языков на определенной диалектной базе. Но она фактически провалилась. Для хантыйского языка таким диалектом был «назначен» среднеобской, носители которого проживали на наиболее доступных территориях вдоль основного течения р. Оби. В 50-е годы на этом диалекте было издано значительное количество учебников, много переводных и некоторое количество оригинальных художественных произведений, но в связи с промышленным освоением земель этот диалект практически исчез. Все изданные пособия оказались невостребованными, потому что носители других диалектов их не понимают. Потом учебники стали создавать на казымском диалекте, но они тоже не были понятны носителям шурышкарского диалекта. Теперь учебники создаются на каждом из сохранившихся диалектов, но методисты не могут обеспечить полными комплектами учебников все диалекты. Для некоторых из них учебные комплекты доведены до 7–8 класса, а для других ограничиваются только «Букварем». К тому же разные диалекты хантыйского языка распространены

на территории двух разных автономных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого, в каждом из которых приняты собственные принципы преподавания родного языка. В силу вступает еще один фактор – административный.

В ненецком языке есть два существенно различающихся диалекта – тундровый и лесной. Считается, что тундровый диалект от Кольского до Таймырского полуостровов более или менее един и носители, проживающие в крайних западных и крайних восточных ареалах, понимают друг друга. Однако на деле оказывается, что годовые и четвертные диктанты по ненецкому языку, написанные методистом – носителем ямальского говора, проживающим в Салехарде, недоступны школьникам, обучающимся в школах Гыданского п-ва, т. е. в непосредственной близости, на другой стороне Обской губы. Учителям приходится переписывать тексты, чтобы дети могли записать их под диктовку. Та же ситуация в лесном диалекте: учителя родного языка либо не могут пользоваться «Букварем», изданным на пуровском говоре, либо в книгах от руки исправляют практически каждое слово, так как между говорами есть существенные фонетические различия.

Если даже в поселок приезжает учительница, владеющая тем диалектом (говором), на котором написан учебник, может возникнуть внутрисемейный конфликт: либо учительница учит «неправильному», по мнению старших, языку, либо, по мнению учительницы, старшие родственники школьников говорят «неправильно». В такой ситуации дети перестают говорить на родном языке вообще, потому что их переучивают говорить на языке, которым они и без того плохо владеют. При отсутствии литературного

языка не очевиден приоритет ни одного из существующих диалектов.

Искусственно переводить научные книги и всю научную терминологию на какой бы то ни было язык не стоит. Не все термины переводятся даже на русский язык. Однако необходимо поддерживать развитие научного стиля речи там, где он естественно складывается. Например, на якутском языке существует научная литература, терминология развивается на оригинальной почве. Необходимо изучать национально специфичные пути формирования терминосистем, они не копируют русскую систему, объемы понятий в них не совпадают. Полезно переводить оригинальные термины на русский или хотя бы изучать их объем. В зоологии, ботанике, охотоведении и других отраслях можно открыть много полезного и нового.

Актуально ли было во времена СССР переводить научную литературу на «республиканские» языки? Тогда, когда на русском языке говорили все, наверное, это было не так уж и актуально, но теперь на каждом из них вполне успешно развивается собственная научная литература. Кто знает, куда повернется ситуация в будущем применительно к таким этносам, как татары, башкиры, якуты, не говоря уже о народах Кавказа?

В современной России «отказ» от русского языка подразумевает истребление всего русскоговорящего населения. Это приведет к улучшению экономической ситуации для тех, кто поселится на территории современной России, но это будут уже не русские.

Перевод русской письменности на латиницу невозможен в условиях «современной России», а не того нового государства, которое гипотетически может возникнуть на данной территории в результате войны

или другого передела территорий, что приведет к смене государственности.

В 30-е годы считалось, что нужно перевести русскую письменность на латиницу, так как это приведет к единению мирового пролетариата. Есть материалы конференции, в которой эта задача сформулирована и обоснована в явном виде. Но даже и тогда, когда все можно было сделать по команде партии и под страхом смертной казни, это не осуществилось, хотя вполне качественный научный проект Н.Ф. Яковлева обсуждался самыми квалифицированными лингвистами. Русская письменность по-прежнему воспринимается как нечто священное, любые попытки ее усовершенствовать вызывают не просто отторжение, а резкое неприятие. Ни одна реформа (кроме петровской и реформы 1918 года – по вполне понятным политическим причинам) не состоялась, хотя попытки модернизировать самое насущное и необходимое были, но СМИ и общественность их тут же уничтожают на корню, так как видят в этом угрозу для стабильного существования общества. Достаточно вспомнить предложения косметических преобразований начала 60-х годов XX века, потом середины 70-х, потом уже начала 2000-х годов, когда общественность не пропустила даже такие робкие попытки упорядочить русское правописание в давно назревших случаях, как «парашут» и «брошура», которые были предложены Орфографической комиссией РАН и ликвидировали бы совершенно немотивированные для современного языка исключения из правил.

Престиж русского языка является высоким: без знания русского языка невозможно стать президентом РФ или занять любой другой высокий общественный пост.

Владимир Иванович Беликов (МГУ им. М.В. Ломоносова).

В недалеком будущем (может быть, уже в 2100 году) для большинства жителей Земли главным будет один и тот же язык, главным, но не единственным. Билингвизм никуда не исчезнет.

Уже в середине прошлого века лингвистам не хватило термина *билингвизм*, появилось понятие *диглоссия* – функциональное распределение коммуникативных средств (как и *билингвизм*, *диглоссия* не обязательно касается *двух* языков): живущий в Махачкале арчинец в семье может говорить по-арчински, с друзьями аварцами – по-аварски, но в присутствии русского или даргинца он перейдет на русский язык.

Те махачкалинцы, чей род занятий связан с наукой, говорят сейчас на профессиональные темы только по-русски. Но по всей России ученые пишут уже не только по-русски. Наука стала интернациональной; вопрос о создании полноценного спектра наук в XX веке не ставился даже для языков с развитой литературной и научной традицией. Достаточно давно в университетах «малых» европейских стран в основном по-английски идет преподавание не только точных наук, но и, например, общей лингвистики. В российских изданиях тексты наших ученых на английском языке перестали быть экзотикой. С переходом на Болонскую систему в МГУ им. М.В. Ломоносова возникает требование читать часть курсов по-английски.

Тем не менее через сто лет английский даже в США вряд ли будет единственным языком. К такому выводу подталкивает вся история и этой страны, и других стран иммиграции. В двух словах пояснить это трудно: слишком много частных деталей. Но, например, корейцы и китайцы в отноше-

нии языка ведут себя принципиально по-разному. Корейские иммигранты второго поколения повсеместно плохо говорят по-корейски, китайцы же даже в третьем поколении могут слабо владеть языком нового окружения. В США есть переписная и текущая статистика по этническому происхождению, а также по языкам, на которых говорят дома. Выделяются жители, имеющие Hispanic origin; по переписи 2010 года среди населения страны их было 16,03 %. У многих все испанское осталось лишь глубоко в истории, но не у всех. В том же году 12,79 % жителей США пяти лет и старше говорили дома по-испански. Этот показатель постоянно растет (в 2000 году – 10,71 %). Предсказаний о языке американские демографы не делают, но предполагается, что доля лиц с Hispanic origin к 2060 году вырастет до 29,86–31,35 %. Маржа в полтора процента связана с прогнозами интенсивности иммиграции. Новые американцы из Пуэрто-Рико, тем более из Мексики, вряд ли будут дома говорить не по-испански. Главным для них, впрочем, будет не испанский язык.

Однако наивно рассчитывать, что не будет неожиданных изменений и мировая экспансия английского продолжит неуклонно расти, а сами языки – английский, испанский, русский и прочие – будут меняться теми же темпами, что и за прошедшие сто лет.

Во-первых, у английского языка есть два серьезных конкурента – арабский и китайский. Во-вторых, все в мире недавно перевернулось.

Сорок четыре года назад, в январе 1970 года, Маргарет Мид опубликовала книгу «Culture and Commitment», где выдвинула противопоставление трех механизмов передачи культурного наследия (в са-

мом широком смысле, включая технологию). В традиционном обществе знания и опыт передавались исключительно по ст-ф и гур а т и в н о: от старших поколений к младшим. Нечто новое входило в жизнь совершенно незаметно, а явные нововведения осуждались: жить надо так, как жили предки. С промышленной революцией возникает и становится все более важным к о ф и г у р а т и в н ы й способ передачи культуры, когда инновации, широко распространяющиеся в пределах одного поколения, уже не являются чем-то необычным; старшие, впрочем, относятся к ним с настороженностью. На заре информационной революции М. Мид разглядела зарождение пре-ф и г у р а т и в н ы х процессов, когда новое, возникнув в среде тех, кто только начинает активную социальную жизнь, массово передается представителям старших поколений. М. Мид писала: *«Today, suddenly, because all the peoples of the world are part of one electronically based, intercommunicating network, young people everywhere share a kind of experience that none of the elders ever have had or will have. Conversely, the older generation will never see repeated in the lives of young people their own unprecedented experience of sequentially emerging change. This break between generations is wholly new: it is planetary and universal»*. Мир меняется так быстро, что традиционное «вот я в твои годы» постепенно обесмысливается.

Преподавая лингвистам культурологию, в начале 1990-х я довольно много времени посвящал разъяснению идеи префигуративности. А через десять лет в этом уже не было нужды: студенты воспринимали ее как полезную этикетку тому явлению, которое было им прекрасно известно из собственного опыта.

Молодежь все реже находит референтные личности среди представителей стар-

ших поколений. Недавние ценности с каждым годом становятся все менее популярны. Так дела обстоят не только в России, но и в Европе, Америке, Китае – повсюду.

Это касается и языка. Для подросткового периода и в «предыдущей жизни» было характерно утверждение групповой идентичности через язык. Но прежде пропуском в мир «функционально взрослых» был отказ от молодежной специфики в поведении, в том числе и вербальном. Следовало переходить на авторитетную языковую норму. А в префигуративном мире молодежь не испытывает почтения к «языку стариков».

Вернусь к перспективам русского языка. Будет ли он в России ведущим языком (*primary language*, говоря по-социолингвистически)

через сто лет – неясно, однако наверняка останется языком повседневности, поскольку это язык русской ментальности, которая изменяется медленно. Переименовая американскую поговорку, можно сказать: *You can take the boy out of Russia, but you can't take the Russian out of the boy*. Если страна доживет до 2100 года, бытовой русский сохранится не только у потомков современных русских, но и у карел, мордвы, чувашей; вероятно, и у потомков якутов, но вряд ли у тувинцев и аварцев.

Однако это будет **совсем другой** русский язык. Старшему поколению современных русских трудно читать большинство текстов Г.Р. Державина. Русские 2100 года наверняка будут плохо понимать не только Пушкина, архаичными окажутся и тексты наших современников.